

Звуки шелка

В Музее *шлях*

ИМЕНИ *с 5.*

Пушкина выставляли одежду

МАРИНА ЛИСОВЕЦ

Эклектичный,
но гармоничный,
аристократичный,
но философский —
любое многообразие
эпитетов можно
подобрать к стилю
самого известного
итальянского
кутюрье
послевоенного
поколения **Роберто
Капуччи**. Выставка
его творений
завершилась
в воскресенье
в чопорных
классических стенах
Государственного
музея
изобразительных
искусств имени
Пушкина.

Нечасто костюмы вписываются в музейный интерьер.

Пусти сюда любого другого кутюрье современности, это, пожалуй, выглядело бы кошунством или безвкусицей. Все потому, что многогранный и своенравный Капуччи совершенно не вписывается в общепринятые определения «портной» и «модельер». Он далек от условностей и канонов, ему мал и узок любой модный формат (если моду вообще стоит ограничивать форматами). Специфический, вызывающий, «диссидент» мира высокой моды, отдавший предпочтение не подиумам, а музейным залам. «Чтобы эта выставка представила меня с разных сторон, я собрал самые яркие, самые эффектные работы, которые уже побывали во всех самых важных музеях мира. Это мое посвящение России», – признался итальянец, во второй раз посетивший нашу страну и пожелавший «явить новой России нового себя».

Впервые Капуччи приезжал к нам в середине прошлого столетия. «Хочу, чтобы российские зрители увидели меня таким, каким я являюсь сегодня: романтическим сюрреалистом, художником ткани, скульптором по самой подвижной и хрупкой материи – шелку, которая впитывает свет и отражает его сотнями образов. Берешь эту материю в руки – она играет. Мало того, еще и звучит!», – поделился своими наблюдениями Капуччи во время пребывания в Москве. Игра его

воображения, которая потрясает взоры и умы публики, действительно основывается на шелке – благородной, изысканной, загадочной и непокорной ткани.

На его выставке не было места камням и стразам, золотому шитью и парче, словом, пошлому блеску и атрибутам пафоса и нарочитости, присущим нашему времени и его героям. Синьор Капуччи возводит скульптуры из плиссировок, воланов и корсетов, руководствуясь законами геометрии и художественного вкуса, споря с текстурой ткани и всем общепринятым в моде. Может быть, именно поэтому у каждого платья на экспозиции – без преувеличения, произведения искусства – была не только своя история и своя владелица, но и имя.

Манекены были разбросаны по музею, словно случайные прохожие. Они прятались за углом, поднимались на самый высокий уровень, замирали на ступенях в немом, но очень выразительном диалоге. Смелое соседство результатов полувековой карьеры Капуччи с подлинным искусством – мраморными и золотыми артефактами Трои – выглядело естественным и не вызывало отторжений. И, наверное, можно долго рассуждать, кто же такой Капуччи. Но, думается, что он просто художник. Ведь, припоминая слова Оскара Уайльда, это тот, «кто создает прекрасное».